

Яна Солякова

ДЫРЯВОЕ ВЕДРО

СТИХИ

Яна Солякова

Дырявое ведро. Стихи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27613637

ISBN 9785448599675

Аннотация

Да, в этой книге есть и о смерти. О творчестве, о времени, о жизни. О том, что для меня очень интересно. В книге много сказок. Но я не провожу границы между чудесами и реальностью. Между стихами и живописью, между любовью и жизнью... между собой и собаками. И кошками. И деревьями...

Содержание

Время	6
Подарок	6
Время	7
Башня	9
Всё сбывается	11
Сон-Трава	13
«Исчезло свободное время. Остались кусочки, обрывки...»	15
Лето	17
Время не возвращается	19
Юность	21
Закат	23
Невозможно вернуться	24
Как же скоро...	26
Мяч	27
Нет никакого времени!	28
Ночные поезда	29
Ночь	31
Миг	33
Из детства	35
Заповедный Мир	36
Карагай	37
Фотоальбомы	39

Белая Гора	41
Рябина	43
Слова	44
Ушла волна	44
В глупой моей голове	46
Дочитываю	47
Дырявое ведро	48
Князь Мышкин	51
На уровне сердца	53
Не знаю слов	55
Звёздные волки	57
Читая Стивена Кинга	58
Читая Чарльза Буковского	60
Они как щенки	63
От холода свет густеет	65
Ветер из книги «Дом, в котром...»	66
Книга	69
Страшная песня	70
Литературный герой	72
Стихам Юрия Левитанского	74
Песням Высоцкого	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Дырявое ведро

Стихи

Яна Солякова

© Яна Солякова, 2017

ISBN 978-5-4485-9967-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Время

Подарок

Пожалуйста, кто-нибудь,
Подарите мне время!
Приносите его в белых пакетах и складывайте у двери...

Я б его выпускала кругом облаками,
Я бы даже к нему прикасалась руками,
Как туман невесомо б его разводила,
Возникали б и гасли в квартире светила...
Чтоб в руках потерявши обычную плотность,
При нагреве утратило бесповоротность...
При нагреве в ладонях, на сердце, у тела
Время всё расширилось, но, всё же, летело...

Затвердевшее время не тает при свете,
Оно плотно спрессовано в белом пакете.
И написано сбоку: «Подарок. От Бога.»
Так обычно стоит на полу у порога.

Время

Не назначайте мне встречу
завтра в четыре или
на пятницу, в полседьмого, —
не расставляйте сети.

Возможно, я завтра в четыре
буду в своей квартире...

Или же я не останусь
там ни за что на свете...

Время само – безвредно,
само по себе – свободно,
как, ненароком, к обеду
шагнувшая в кухню кошка.

Как оно может меняться,
если всегда – сегодня?!

Если за ним не гоняться,
оно навредить не сможет.

На мелкие-мелкие клочья
порву я листочки с планом.

Уже смеётся мгновенье,
вечностью всё заполнив.

Меня вам не заморочить

часами. Ведь это странно
живое и вечное время
резать на мёртвые комья.

Вернусь, может быть, под вечер,
а, может быть, и пораньше...

Не назначайте мне встречу,
облавой меня не гоните!

Не назначайте мне встречу,
не принуждайте к фальши.

Меня окружает вечность...

А вы «к трём часам» хотите...

Башня

Башня из камешков и песка...
Только всё бережно сложится —
Снова волною смывает тоска
Со стен безмятежные рожицы.
Снова рушатся корабли
Кренятся мачты бумажные.
Крылья, оказывается, не смогли
Доставить послания важные...
И – снова – заново! Только уже
С меньшей надеждой и силою,
Строишь, на том же, что был, этаже,
Пишешь по озеру вилами.
Кажется, всё, что ты делаешь – прах...
Лишь воплотится – рассыплется...
Прибой, разрушающий башенку прав,
Жаль, что никак не насытитесь.
Но правы и те, кто наутро опять
В игры играют песочные,
Копают канавки, от волн охранять
Пытаются стены непрочные.
И снова слизывает прибой
Цветы и окурки, и прочее.
И снова в душе наступает покой...

Но заново строить не хочется.
Хочется просто смотреть в облака,
Есть бутерброд подтаявший,
Следить, как легко проплывают века,
Как светится день наступающий.

Всё сбывается

Бывает, ты даже не помнишь мечту свою давнюю,
Но старой кареты колёса скрипят, и стараются лошади...
И вот, через тысячи лет, замечаешь вдруг Даму
Печальную,
Что, как чужая, стоит сиротливо на площади...
Вдруг озаряет; о, да! Это то, что однажды привиделось

В самых безумных мечтах загадилось, пропелось, придумалось...

Только теперь это просто всего лишь обыденность.

Эх, загадала б я лучше действительно что-то безумное!

Мелочи вздорные были томленьем и жаждою.

Были когда-то оплаканы, были Мечтою Несбывшейся...

И – через годы! – к тебе добирается каждая...

Десятилетия может стремиться к тебе, изменившейся.

Было так странно... Однажды в обычных событиях

Я разглядела черты миражей из далёкого прошлого...

Вся моя жизнь – вот такое случилось открытие! —

Это старинных желаний и чаяний щедрое крошево.

Ах, этот сдвиг на века! Это не совпадение во времени!

Что за насмешка, когда исполняется детское?!

И сожалеешь, о старом безумном стремлении...

Что-то уже не мечта для тебя, а реальное бедствие!

Смейся сквозь слёзы! Ты знаешь, что ВСЁ исполняется?!

Сказочной Золушке даже не снились твои приключения!

В памяти Мира – всё действует, всё сохраняется...

Всё исполняется. Всё! Вот такое с мечтами мучение.

Сон-Трава

В мае, когда ещё снег не растаял
В тёмных овражках под старыми елями,
Нас, как щенят, погулять выпускали
В лес у костра, с беготнёй и с качелями.

Папа сиденья готовил из лапника,
Мама шуршала кульком с бутербродами.
Я из коры запускала кораблики
В луже лесной над тенями подводными.

Пахло «железкой» и шпалами сонными,
Дымом, корой, прошлогодними листьями.
Сверху, сквозь кроны, смотрело бездонное
Синее небо окошками чистыми.

И на проталинках, нежно-пушистая,
Ярко цвела Сон-Трава фиолетовым,
Шерстка светилась её серебристая,
Было тепло ей и ночью поэтому.

Мы осторожно цветочных детёнышей
Гладили, трогали лапки их мягкие.
Спящие, были они – как зверёныши,

Те, что постарше – как звёздочки яркие...

В город с собой увозили бесценные

Запахи, солнце, отсутствие времени...

Чтоб вспоминать за бетонными стенами

Взгляд Сон-Травы и костёр под деревьями.

«Исчезло свободное время. Остались кусочки, обрывки...»

Исчезло свободное время. Остались кусочки, обрывки.
И нет энергичной идеи, чтоб склеить из времени
вечность...

Роскошной, бессовестной лени разлились бесценные
сливки...

И только усталость осталась. Усталость осталась,
конечно.

А лень – драгоценнейший кокон для нежных
несбывшихся крыльев,

Прохлада живительной ночи для вновь расцветающей
тайны...

Пушистая нежность пространства в тончайшей
нетронутой пыли...

А лень постепенно пропала: усталость уснула печально.

Могла бы, могла бы Идея, в сверкании протуберанцев
Взорвать все привычные рамки, раздвинуть немые
границы!

Но как же Идея окрепнет без времени и без
пространства?

При полном отсутствии места, как сможет она
воплотиться?..

Ну, разве что, только рождение Сверхновой космическим взрывом

Сметёт, наконец, все преграды для яркой и лёгкой свободы.

И – новое время родится, и будет шальным и игривым,

И время поскачет по звёздам, как дикие вешние воды.

Лето

Лето, лето – скорый поезд,
Теплый ветер у щеки...
Но не чувствуется скорость
У полуденной реки.
В воздухе висят стрекозы,
Сонно шелестит трава...
И в обещанные грозы
Вера теплится едва...
Остановка. Сон нескучный.
Роскошь солнечной жары.
Зонт с собой – на всякий случай...
Вечер... Птицы. Комары.
Лето, лето! Зверь зелёный,
Росчерк лёгкого стрижа...
Наблюдаем удивлённо,
Вслед пытаемся бежать.
Ловим в рамки фотографий,
Ищем в камушках следы,
Чертим бесполезный график
Острой щепкой у воды...
Останавливаем время —
Чертим щепочкой черту.
Отцвели давно сирени,

Но в календаре – цветут.
На песке напишем даты,
Сверим с нынешним числом.
Ну а лето... Стой! Куда ты?!
Лето ветром унесло.

Время не возвращается

Время не возвращается, правда – не возвращается!
Даже если вращаются в нём гироскопы чёртовы,
Что-то там в них меняется, но всё равно ощущается:
Время не возвращается, не воскресают мёртвые.

Бывает, причина со следствием местами у нас меняются,
Не знаю, как получается такое шатанье беспечное...
Но время – не возвращается! Пускай хоть сто раз
искривляется
Пространство со всеми дырами, с ухмылкой своею
вечною.

Чтобы вернуться – вдумайтесь! – нужно секунду каждую,
Каждый процесс межклеточный вспять, наизнанку
вывернуть.
Что может быть отвратительней? И киноленту страшную
Лучше подальше выбросить, и мысли об этом выдернуть.

Можно, конечно, попробовать кругом обойти
Вселенную,
Чтобы сквозь время вязкое, векторное, ужасное
Не проползать секундами, не наткаться на тленное,
А поискать туннели в нём, лифты и лестницы разные...

Только – увы! – Вселенная вновь перед носом окажется!

Не обойти её по боку, не обмануть, как бабушку.
Время не возвращается. И то, что вареньем намажется,
Один только раз предложится Вселенной на вашу
оладушку.

Юность

Юность не беззащитна...
Нервы обнажены...
Но Юность на боль рассчитана,
Как борт на удар волны.

Мачты пускай поломаны,
Пусть в клочьях дрожат паруса —
Светло, огромными волнами
Плещутся небеса.

И чайки, по небу плавая,
Покажут дорогу к острову,
Где пахнет цветами и травами,
Где скалы вздымаются острые.

Где за камнями кинжальными
Откроется бухта нежная.
Растает с улыбкой прощальнойю
Смерть неизбежная.

Команда Корабль заплаканный
Почистит и мачты новые
Украсит цветными флагами

И мечтами рисковыми.

И, не дожидаясь вечера,
Сверкнув парусами снежными,
Корабль поплывёт доверчиво
По зыбкому, по безбрежному...

Закат

Расцветает, сияет беспечный рассвет
И вино молодое играет в крови,
Соколёнок скорее взлететь норовит,
Солнце только встаёт... Невозможного – нет!

Полдень тень растворит у седых пирамид.
Время трещиной в камне проложит свой след.
И песок прошуршит струйкой прожитых лет...
Но светило могучее жарко горит!

И пускай меня насмерть загложет тоска,
Если он не прекрасней – роскошный закат!
И старинный коньяк в ожерелье из звёзд

Под беседу, которую юный дурак,
Даже если поймёт, то – ей-богу – не так...
Не увидит парящий над вечностью мост.

Невозможно вернуться

Невозможно вернуться. На чистом снегу
Остаётся цепочка неровных следов.
Шаг – и ты уж иной на ином берегу,
И твой день, словно холст, будет девственно нов.

Утром заново будешь картину писать,
Создавая себя и свой будущий путь,
И по-новому ляжет на листья роса,
Ты изменишься вновь до того, как уснуть.

Повторением кажется взгляд и «Пока!»,
Повторением мниться пустой разговор,
Но, меняясь, бесцельно плывут облака —
Вечно новый, обманно-привычный узор.

Снова книгу «впервые» нельзя прочитать.
И двухсотое «Здравствуй!» иначе звучит.
Выцветает, когда-то живая, мечта,
Ценность приобретают иные ключи...

В неизбежности этой измены всего,
Где иллюзия – клятвы, гарантии – сон,
Остаётся гореть и костра своего

Самому не пугаться, когда в унисон

Чьё-то сердце ответным огнём полыхнёт,
И изменчивый танец, нежнее цветка,
Прикоснётся, закружит, сожжёт, унесёт...
Может быть – на века... Может быть – на века...

Как же скоро...

Утром только-только
Лепестки упали,
А на сердце горько,
И душа в печали.

Помнишь, яблоч зелень
Вечность обещала?
Глянуть не успели —
Первый снег... Начало...

Только что был месяц,
Словно лучик, тонок,
По ступенькам лестниц —
Вверх да вниз – котёнок...

Смотришь: кот ленивый
С тусклыми глазами...
И созрели сливы...
И в руках вязанье...

Мяч

...И внутри всё звенело! Как новенький мяч —
От тропинок упругих отскакивал шаг!
Не боялась упасть, не ждала неудач,
И, как ласточка в небе, летела душа!

И немислимо было спокойно пройти —
Только бег! Только птичий крылатый вираж!
По заборам и крышам лежали пути,
Через лужу – на дуб, с гаража на гараж...

В теле птицы и зверя, не зная забот,
Убегала, смеялась, ревела, жила.
Прожигалась бездонная вечность за год.
Утром – целая жизнь на пороге ждала.

И в ушах до сих пор сохраняется звук —
Этот круглый, резиновый, звонкий удар!
Словно сердце летит, вырываясь из рук,
И стучит по асфальту весеннему шар.

Нет никакого времени!

Нет никакого времени. Нет никакого завтра.
Просто лишь изменения, тени, движения стрелок.
Мысли в цепочки выстраивает умный наивный автор...
Четвёртое измерение – лучшая из подделок!

Мгновение – это вечность, вечность без перерыва...
Вечное настоящее – только оно реально.
Текущее, изменяющееся, падающее с обрыва,
Тасующее события каскадами карт игральных...

Движения света и тени нам предлагают видимость
Вектора, продолжения, длительности полёта...
Иллюзию принимаем мы, видимо, за действительность...
Боимся остаться без времени, не можем без точки отсчёта.

Сейчас – никогда не исчезнет, не сдвинется, не растает.
Но скажем кому-то: «Полпятого», «Пятнадцатого апре-
ля»...

Нет никакого времени. И не было. И не станет.
Насколько бы ни менялись мы, насколько бы ни старели.

Ночные поезда

Сквозь чёрные ночи и синие ночи
За скрытыми мраком лесами, холмами
Проходят, проходят составы... Грохочут,
Невидимые за ночными домами.

Доносят ветра затихающий рокот
И гул, словно моря далёкого голос.
За полем, за лесом, за небом дорога.
О рельсы Луна пополам раскололась,

И вытекло время из полного круга.
Уходит состав в безвозвратные дали.
Возможно, мы там повстречаем друг друга,
Но только не те, и не как ожидали.

Хранят фотографии память и лица.
И чай на столе, и рябина у дома...
Но поезда нет, чтоб на нём возвратиться.
Ты дальше и дальше, и скорость огромна.

И пусть неподвижны и тихи деревья,
Ночами ты слышишь: грохочут составы.
Бегут огоньками сквозь сны и деревни,

Качаются вслед придорожные травы.

Плацкарт, боковушка, лесная поляна —

Не важно – уходит невидимый поезд.

Колёса стучат и стучат непрерывно,

О прошлом покинутом не беспокоясь.

Ночь

Любимое время суток, пожалуй, – ночь,
Время, когда никуда не нужно спешить,
Оно почти бесконечно, летящее прочь,
Оно, наконец, безраздельно мне принадлежит.

Все, кто моим временем
Днём завладеть хотят,
Все, кто время меряют,
Завели будильники – спят.
Только очень страшно
Шумят в окне тополя,
В чёрное пространство
Преобразовалась Земля.
Гул идёт по кронам
Чёрным эхом – через щели – в окно,
Тополям огромным
Есть я или нет – всё равно.
Небо опускается
Прямо к самой бывшей Земле,
Звёзды отражаются
Углями в остывшей золе,
Хаос в окнах бесится,
Стёкла в лунных брызгах дрожат,

Огненные месяцы
На лице кошачьем лежат.

Лампочка качается,
Золотой хранит свет.
Пусть хоть что случается,
Но, зато, оков – нет.

Миг

Радость моя прорастает из прошлого,
Усики тянет светло и доверчиво...
Если с утра было много хорошего,
Тянется радость до самого вечера...

Миг – это вздор! Этак время не выследить...
Миг не несёт в себе качество времени.
Необратимость смертельного выстрела
В нём как черта рокового решения...

Вдох твой и выдох – по разные стороны
Этого мига, что есть «настоящее»...
Словно минуты на части разорваны —
В клетке бессмысленной – чудо летящее.

Прошлое... Видишь? Оно продолжается!
В памяти, в нервах... Да что там! – в реальности!
Если всю жизнь Музыкант занимается,
Прошлое – в пальцах и в нужной тональности.

Жизнь для дороги – в её продолжении.
В будущем – бездна пространства для этого.
Море идей и фантазий кружение...

И тишина там стоит предрассветная...

Где-то ошиблись мы в нужных понятиях...

Договорное и просто удобное

Стали считать чем-то вроде заклатья,

Мир объясняя застывшими догмами.

Мы с киноплёнкою Жизнь перепутали:

Думаем, можем разрезать, где хочется,

Кадрами делим её и минутами:

Время несчастное в ужасе корчится.

Неуловимое ловим старательно...

Что-то такое, конечно, мы меряем!

Чертим круги, отмечаем внимательно...

Мыслим полёт не полётом, а перьями...

Из детства

Лай издалека... Синяя река...
И велосипед, пыльный след от шин...
И дорога так весело-легка —
Как по облакам едем да бежим.

До сих пор во сне этот лёгкий бег,
В затяжной прыжок переходит вдруг,
В затяжной полёт над разливом рек —
И взлететь легко сильным взмахом рук.

Лай издалека. И по сердцу – гул.
И в душе – простор, и дорога вдаль...
Словно бы опять в облака шагнул...
Синяя река, лёгкая печаль.

Помнишь наяву, знаешь, как летать...
Облака тебе – тропы, корабли...
Только что-то стал чаще уставать...
Может, реже лай слышится вдали?..

Заповедный Мир

Как-то бы бежать и травы не мять...
Вот ещё чуть-чуть, и смогу понять...
Как-то бы лететь, прыгнуть высоко,
Как-то бы достать светлых облаков...
Заповедный Мир рядом, за углом,
За соседним днём или за стеной.
Мчишься, как и там, мчишься под уклон —
Только не летишь как орёл степной.
Помнишь, как лететь. Знаешь, как летать...
И в ушах шумит ветром высота.
Вот ещё чуть-чуть... Только – не достать.
Падает листва с желтого куста.
А во сне – июнь, и сирень цветёт,
И зелёный день расправляет лист,
Там обычный бег падает в полёт,
И не трудно вверх и не страшно вниз.
Как-то бы чуть-чуть... Как-то – не во сне,
Вспомнить наяву, отрастить крыло...
И упасть дождём первым по весне,
Чтобы прорасти снова повезло.

Карагай

Нам лет по десять,
мы легки, как птицы,
наш бег – не бег, наш бег – почти полёт.
Домой – лишь на минуту, чтоб напиться —
нас солнце, речка, нас осока ждёт.
Нас тёти Клавина собака ждёт у будки
и глина на высоких берегах.
Доверчиво сияют незабудки
и часики в тени высоких трав.
У Карагайки дно – в песчаных волнах,
а в ледяной воде снуют мальки...
Ветров и листьев, птиц и солнца полны
вокруг – деревьев замерли полки.

Огромный тополь, проигравший ветру,
лежал в крапиве, покоряясь судьбе.
Могучие вздымались в небо ветви,
притягивая, как магнит, к себе.
Сперва – на четвереньках, понемножку,
Вмиг осмелев, качаясь, – на ногах
прошли по веткам, словно по дорожкам,
с восторгом перемешивая страх.
И тополь стал теперь уже не тополь —

он стал – табун летящих лошадей...

В ушах звучал победный гулкий топот
по древним плитам старых площадей.

Качались ветви – мы взмывали в небо,
и вырастали крылья за спиной...

Но, всё же, день, каким бы долгим не был,
с закатом уводил нас всех домой.

Сон оглушал, сбивал нас с ног и с крыльев
задолго до дивана – за столом...

К постели мы на мягких волнах плыли...

Нас кто-то нёс?.. Не помнили о том...

Во сне ещё бежали и летели,
ныряли в Обву, падали в песок...

Мы жили ровно так, как мы хотели,
не отклоняясь ни на волосок.

Вы думаете, радость прекратится?

Нет! Радость длится, длится, длится... длится... длится...

Фотоальбомы

В детстве – некуда ещё возвращаться,
И каждый день – как праздник, или война.
Всё заново! Нечему повторяться,
И песня каждой травинки слышна.

В юности, от любви нахлынувшей,
Сердце у горла забьётся птицей.
Пробует крылья, с обрыва ринувшись
Юность... Не думает возвратиться.

Но вот уж букет из прекрасно прожитых
Дней в шкатулке хранится, прячется...
В фотоальбоме с обложкой кожаной,
Рядом со старым мячиком.

А жизнь-то! Жизнь! Всё сияет красками,
Пылает солнечными восходами,
И приключениями опасными
Манит, и странами, и походами.

И люди, что внутри – как вселенные
Зовут в миры совсем незнакомые...
Неповторимые мчатся мгновения...

А мы всё дома... С фотоальбомами...

Белая Гора

Для Бога везде – храм,
Для Бога везде – дом,
Открыт дождям и ветрам,
Как дерево – каждым листом,

В медовом запахе трав,
В летящем свисте стрижей —
Почти осязаемо – прав,
Почти абсолютен в душе.

Он в воздухе растворён —
Ну как Его не вдохнуть?
Он птицами окрылён,
Он – путник, и Он же – путь.

Огромное небо плывёт,
Раскачивая леса...
Что шаг теперь, что полёт,
Что воздух, что небеса —

Ей-богу, разницы нет...
Цветок до небес достаёт,
И в каждой травинке свет

Осанну поёт...

Рябина

По весне, всё заново начиная,
Расправляет лист за листом рябина.
Серебрятся инеем ночи мая,
И пригорки травкой топорщат спины.

Всё рябина заново начинает.
Улетевших листьев, опавших ягод
Сказочную роскошь не вспоминает:
Мало ли, что было да сплыло за год!

Всё, что было нажито – потеряла.
Но успела заново отогреться.
Доверяет снова, как доверяла,
Радуется солнцу и тратит сердце.

Слова

Ушла волна

Безмолвно ушла волна, и сидишь на сухом песке
И даже не слышишь, как море плещется вдалеке,
И даже не видишь, чего-нибудь, кроме песка,
И в горле твоём песком застряла тоска,
И всё становится плоско-беззвучным, как будто кино,
Где звук утрачен, утерян когда-то давно...
И пусть даже люди любящие кругом,
И даже скучать не приходится ни о ком...
Но ты без конца по пустыне беззвучной идёшь,
И день на неясные, смутные сумерки снова похож...
Бессильно ищешь, оглядываясь, волну,
Чтоб плыть, покачиваясь, или пойти ко дну,
С тоскою смотришь, на горы сухого песка:
Среди них бессмысленно слово живое искать...
И не понимаешь, не чувствуешь жизни уже,
Хоть море и плещет в твоей одинокой душе.
Но это не то всё! Лишенное глубины,
Оно задыхается тоже без горней волны...
Оно, по сути, тот же шуршащий песок:
Тысячи слов перекатываются у ног.

Странно и страшно, что нет среди них живых,
Если Огромный Голос ушёл от тебя, затих.

В глупой моей голове

В глупой моей голове
Нет ни идей, ни стихов,
Только душица в траве
Да купола облаков.

Неба пустого простор,
Долька прозрачной Луны
Да подорожник простой,
Да перезвон тишины.

Пух невесомо парит,
Кружится до октября.
Маленьких звёзд фонари
Просто без смысла горят.

Дочитываю

Я влюбляюсь по уши, с головой,
Не в реальность близкую, а в слова,
В чей-то мир немислимый и живой,
И, как лава, сжигает меня глава.
Чья-то страсть и слёзы, и боль, и смех...
Бьётся сердце в лампочку мотыльком...
Прячет ночь безумие ото всех,
Льётся книга лунная молоком.
Точку невозврата зажав в руке,
Плачу, как придурочная над сном.
И плыву, безвольная, по реке,
И теряюсь в мусоре наносном.
Из чужого времени, ни к строке,
Ни к словам, ни к замыслу не гожусь —
Просто тонкой щепочкой по реке,
По стремнинам выдуманым кружусь.
Скоро меня выбросит на песок,
Задышаться рыбой, последний лист.
За строку, за фразу, за волосок
Зацепляюсь. Падаю. Не спастись.

Дырявое ведро

Понимаете... Чёрт с ней, с литературой!
Со словами правильными и точными,
С этой – на вес золота! – макулатурой...
Есть другие, знаете ли, источники...
Не «другие»! Чего я?.. Опять – не в яблочко!..
Неточны слова все по определению!
Приколачиваем к забору облачко,
На «Момент» приклеиваем мгновение...
Понимаете всю безнадёжность профессии?! —
Всю искусственность самых искусных рассказней?!
Что-то прячется там, за строкою песенной,
Растекается, дышит свечением розовым...
Но бывает, что даже слова корявые,
Нарушая ритмы, ошибки делая —
Вдруг, как вёдра ржавеющие, дырявые,
Зацепляют нечто слепящее белое.
Вдруг ты видишь – вот оно! – несказанное...
Непонятно как, сквозь досмотр таможенный
Контрабандой доставлено долгожданное.
И ты думаешь: «А ведь – не зря! А ведь можем мы!»
Безымянное Нечто непроизносимое...
Кто дырявым ведром, а кто ярко начищенным...
А на вёдрах – метафоры пишем красивые,
Чтоб привлечь это Чудо, которое ищем мы...
Потому что всё дело – увы – не в метафорах,
Не в ведре и не в ритме, не в рифме застиранной...

Содержимое вдруг замирает и ахает!

Замыкается круг непонятными силами...

Значит, всё же, не так безнадёжно занятие...

Этот поиск путей сквозь границы реального...

Значит, гиблое дело – совсем не проклятие!

Значит, ценны слова, пусть и не гениальные.

Князь Мышкин

Чистый лебедь, светлый князь, идиот —
Сердце – настежь, словно крыльев размах!
От чего же вдруг душа не поёт?
Туз пиковый – безысходности знак.

Всё же верно! По любви, по уму,
Откровенно и легко, от души...
От чего ж он в ранах весь – не пойму?!
И слова терзают-бьют, как ножи...

Он, как свет слепящий, невыносим,
С откровенностью и детским лицом!
Так мучительно идти рядом с ним
И себя вдруг ощущать подлецом...

Просто нет в тебе такой чистоты.
«Он – юродивый, ей-богу!» – кричишь.
Князь немислимой достиг высоты,
А тебе доступны холмики лишь.

А душа, как зверь в ловушке, кричит,
Невозможно ни понять, ни принять —
Не согреешься, как кот на печи —

Сгинешь, горнего коснувшись огня.

Рядом с ангелом, легко ли идти?!

И прощать ему беззлобность и свет?

Только нет у нас иного пути...

Но и сил, подняться вверх, тоже нет.

На уровне сердца

На уровне сердца – сквозная дыра.
И льётся туда дождевая вода,
Бывает, в дыру залетают ветра,
И с неба ночного сорвётся звезда...

Когда разгорится огромный закат —
На уровне сердца – оранжевый шар.
Насквозь запоздалые птицы летят,
Галдят и торопятся, как на пожар.

И мне не уснуть из-за этой дыры!
То светом, как лезвием, режет Луна,
То звёзды горят и трещат, как костры,
То туча рыдает, слезами полна...

И ветки болезненно ветер скребут,
И кто-то скулит в подступающей тьме...
Как будто я угли руками гребу —
Весь Мир без покровов приходит ко мне.

Но как же блаженно сияет сирень!
А ветер черёмух – сплошное вино:
Глоток – как живой лепесток в декабре,

Глотнёшь – и до слёз хорошо и смешно.

Ах, эта, на уровне сердца, дыра!

Ну как мне не плакать и песни не петь?..

Собака в дыру забежит со двора:

На морде – улыбка и лапы в песке...

Не знаю слов

Ещё не знаю нужных слов, а просто плачется.
Когда прошла я поворот?.. Что не заметила?
И словно бы не узнаёт Зима – обманщица,
И замечает снег следы свежо и ветрено.

И белый холст, и белый лист, и смех нетронутый...
И все ошибки, и все встречи не случайные —
Я вас теряю. И в душе чернеют омуты...
И я тоскую по неспетому отчаянно.

Из горсти зёрен – лишь одно в тебе прокюнулось.
Из океана – лишь волна тебя подбросила...
По звёздным меркам, ты уйдёшь – такой же юною,
Не успевая накопить веселья к осени.

Да, сослагательного – нет... Но боль сердечная,
Откуда боль по непришедшему, по тайному?..
Откуда это – прорасти – желанье вечное?
Откуда это – улететь – желанье стайное?..

Ну чем не зверь?! И понимания не выросло...
Зима метёт... И поворот, и ветер северный...
И не могу про новый день собраться с мыслями.

И новый мир опять вокруг. И всё потеряно.

Звёздные волки

Воздух пахнет дождём, лопухами и ласковой пылью.
Воздух пахнет спокойным теплом и задумчивым летом.
Но по рекам чернеющим синие звёзды уплыли
И растаяли снегом за мутными тучами где-то.

Рассыпается дом непрестанно, почти незаметно.
И по рекам, по рекам, по тёмным протокам уходит...
Эта осень, мне кажется, будет сухой и бесцветной.
Даже волки мои не мечтают уже об охоте.

Покидают меня, убегают на дальнейшее небо опасные звери,
Я со всем соглашаюсь, пустая, незлобная и никакая...
Отключаю совсем телефон, запираю железные двери —
Непривычно и страшно, когда тебя бросила стая.

А все думают: лето ушло, от того неуютно и грустно...
Но сжимается сердце от странной и страшной потери:
Убегают, уходят на небо по звёздному руслу
Мои самые дикие, самые яркие звери...

Читая Стивена Кинга

Ненавижу дочитывать книги!
Особенно – Стивена Кинга.
Особенно – «Тёмную башню»,
Которую ищет Роланд,
Особенно, если в сердце
Тёмный застрял осколок
От этой проклятой Башни...
И – что же?! И – как же дальше?!
И где этот мир остался?!
За сетью далёких станций?
ХА! Если б всё так просто!
Нужный найти перекрёсток,
Сесть в подходящий поезд,
Двери открыть рукою...
Хожу тут одна, беспокоюсь...
На двери смотрю с тоскою...
Беда моя, что не верю
Я в эти дурацкие двери!
А мир-то, действительно, «сдвинулся»!
И Роланд всё ищет Башню...
А я – в постоянном минусе —
Сон вспоминаю вчерашний.
Он где-то идёт по свету,

Чтобы спасти вселенную,
А я читаю газету
и ни черта не делаю!

Читая Чарльза Буковского

К поэзии прилагается

Пегас

Или просто резвая

Лошадь с набором аллюров

Блестящая, потная, яркая,

Гремящая честно подковами

По разуму спящих читателей.

Поэзии также положены

Одежды из бантов и рюшечек

И пуговики симметричные...

А у мужчин, естественно,

Мечами декоративными,

Доспехами и погонами

Успешно они заменяются...

Не суть!

Поэзия упакована,

Как курица в перья, в образы.

Как дама, в роскошные кружева

Наряженная и блестящая,

Гремящая ритмом породистым,

Она производит верное

Огромное впечатление.

Большое такое, приятное,

Хорошее впечатление.
Добротное и приятное,
(я повторюсь, что приятное,
Ну, раз оно правда – приятное)
И сильное впечатление.

Но если однажды встретите
Вы где-то Поэзию
Голую,
Лишенную платья и лошади,
Ужасною в откровенности
Своей и слегка сумасшедшую...
(возможно, сначала покажется
Она вам такой сумасшедшею.
Ведь разве возможно Поэзии
Идти босиком по мусору,
Подошвы царапать, и глупые
Слова заставлять так выглядеть,
Как будто они бесценные
Сокровища!
А вы сами видели только что:
Она подобрала с окурками
Эти слова
И мёртвые перья больных голубей
Стряхнула и руки грязные
Вытерла о живот...)

Ужасна в своей откровенности!
Ужасна в своей откровенности!
Ужасна в своей откровенности!
И, чёрт побери, все лошади,
Гремящие и прекрасные,
Не стоят того непонятного
Щемящего замирания,
Когда ты соприкасаешься С живым.

Они как щенки

Они, как щенки или кошки, приходят и просятся в дом.
А ты убегаешь, спешишь по серьёзным делам.
А ты говоришь им: «Потом... Приходите потом...»
И снова под локоть тебя суета увела...

Они, словно серые птицы, летят за тобой вдалеке.
Их даже не видно... Но чувствуешь ветер сквозной.
И знаешь, что только что он побывал на реке,
Где лодка, стрекозы, где лень и полуденный зной.

А образы... Что же! Они посидят, подождут...
Глаза их испуганно-кротки, и коротки дни.
И если они убегут, то совсем пропадут.
Ты знаешь, они не способны... они не умеют одни.

Пусть формы грубы, кособоки для этих несбывших-
ся душ...

И просто не можешь ты всех подобрать и спасти...
Но ты их впускай! Подбирай отраженья из луж,
Не думай, что нечем кормить, что нельзя привести...

Ты их заверни в тишину и совсем телефон отключи.
Ты двери и окна открой, прогони, хоть на время, дела.

Ты чувствуешь? Слышишь? Проснулись, забили ключи...
Нетронутым снегом сияет страница бела.

От холода свет густеет

От холода свет густеет до белых пушистых хлопьев.
От холода свет не может лететь в темноте, за Мирами.
И он выпадает снегом на улицу и на тополь,
И он оседает в сугробы, и он до весны замирает.

От холода стынут губы, слова произносятся реже.
И неба бездонная прорубь качает далёкие звёзды.
А свет, заблудившийся ночью, летит, опускается между
Землёй и космической бездной. И льдом покрывается
воздух.

О, столько свечения скрыто, сверкания и сиянья
В сугробах застывших и синих, в морозном безмолвии
ночи!
Свет преодолел во мраке чудовищные расстоянья...
И выпал на Землю снегом, уставший от космоса очень.

Весной засверкают лужи оттаявшими лучами,
И тысячи солнц рванутся, забьются в груди восторгом,
И свет оживёт словами и птицами, и ручьями
Споёт о любви как Синатра, заплачет, как Гарсия
Лорка...

Ветер из книги «Дом, в котром...»

Звоном и шелестом ветер в ушах,
Ветер соседних Миров —
Песни, которыми можно дышать,
Стелятся тканью ветров.
Что-то невидимое ещё,
Тянется, чует свет...
Костёр пылает, перемещён,
Из Мира, которого нет.
Люди-Драконы уходят за грань,
Пересекают рубеж,
Их крылья – алые, как герань,
Как мантии царских одежд.
Оно – не в книге, оно – вокруг
Плетёт совпадений вязь,
Смеясь, замыкает случайный круг,
Разводит кого-то, смеясь.
Кого-то, своим опалая огнём,
Меняет, вскрывая суть,
Прикидывается вчерашним днём,
Мешает спокойно уснуть.
Неназванное, за границами слов,
Из Мира, где всё – мираж,
Просачивается в основы основ,

В Мир беспокойный наш.
И вот уже, ветром подхваченный сор
Приобретает смысл,
И странная мысль прорастает в узор,
Узор – прорастает в мысль.
Стираешь с лица человеческий грим,
Ведешь разговор без слов...
И так осязаем, так необозрим
Мир окружающих снов.

Книга

Лучшая книга должна замыкаться в кольцо.
Брошенным камнем ты тонешь, паришь в глубине.
И не найти всех корней, не распутать концов.
С каждым витком эта книга длинней и длинней.

Даже в реальности шире и шире круги,
Мир изменяется, выскользнув из-под страниц.
На расстоянии взмаха крыла и руки —
Мир, расширяющийся, без замков и границ.

Снова и снова качнётся знакомый сюжет,
Но совершенно другие проснутся пути.
Жизнь, словно фокусник, вытащит из-под манжет
Чудо, какого, казалось уже не найти.

Страшная песня

«Враги сожгли родную хату»

Переводчик с языка сердца
Оказался как стрелок точен.
Приоткрытая слегка дверца
Распахнулась в темноту ночи.

Беспощадные слова били
Словно в колокол в мою душу.
И предметы, задрожав, плыли,
И от слёз казалось лишь хуже.

В горле комом эта боль – песня.
Что слова? Они – как соль горкой.
Всё казалось рядом с ней пресно.
А и петь её нельзя – горько.

Лучше б не было её вовсе!
И солдат бы не хмелел с горя!
За широкий стол бы к ним – гости...
Лучше б не было её, что ли...

Что слова? Они сама правда:

Он вернулся, он пришёл, выжил!
Не приветила его радость —
Только ветер повстречать вышел...

Лучше б не было такой песни.
Лучше б встретились они летом.
Жили б счастливо себе вместе...
Я б – все песни за одно это!

Литературный герой

«По равнине беспредельной
Брёл продрогший человек.
Снег стелил себе постелью,
Пил из ручейков и рек...

Воспалёнными глазами
Еле видный путь искал...
Шел степями и лесами,
Пробирался среди скал...

Путь его был страшно долог,
Он устал, как сто чертей...
В сердце – ледяной осколок,
К обшлагоу пристал репей.»

Предан другом, брошен милой,
Потеряв любовь и дом,
Он ещё находит силы,
Он идёт, идёт с трудом...

В чём же смысл? Чего он ищет?
Что за тайна? В чём тут суть?
В поле дикий ветер свищет...

Ни согреться, ни уснуть...

Автор выпьет крепкий кофе

И закутается в плед...

И напишет: «Катастрофе

Скоро быть. Спасенья нет.»

И ЛГ бредёт шатаясь,

Кровью платит за сюжет.

Так живёт, безвинно маясь,

В чьём-то страшном мираже.

Автор спит в своей постели,

На девятом этаже

А герою из метели

Не найти пути уже...

Стихам Юрия Левитанского

Пролились стихи на душу,
Где саднило, где болело.
Пролились прохладой мягкой,
Обнимая, утешая.
И, смывая камни, речка
Зажурчала о неважном,
И, смывая тяжесть светом,
Листья клёнов полетели...
Снова вижу. Снова – осень.
Яблоко лежит на листьях.
Дым, туманом гладит сосны.
Солнце снова. Снова осень.
И – дышу. Спасибо, милый.
Я Вас даже не встречала...
Но любовь большая лечит
Через смерть и через время
Проливается лучами,
Словно Солнце, словно осень —
Окружает, утешает.

Жил поэт один когда-то...
Я его стихи читаю.
Пусть в душе моей он ходит,

Собирает слов букеты,
Словом, светом лечит раны,
Улыбается бесстрашно.

Песням Высоцкого

Полностью дверь открывая в сердце,
Попросту створки срывая с петель...
Руки в разлёте – куда там детству! —
Так дарит Огонь, оставляя пепел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.